

Р. А. СИМОНОВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ РУССКОЙ ЯТРОНАУКИ В НАЧАЛЕ XV в. – НА СТОЛЕТИЕ РАНЬШЕ, ЧЕМ СЧИТАЛОСЬ *

Данные о медицинской астрологии (ятроматематике) в русской книжной культуре сохранились с конца XV в. Существуют недостаточно изученные славяно-русские источники, восходящие к более раннему времени, связанные с часовой хрономантией – частью астрологии, уходящей корнями в культуру Древнего Вавилона (и соответствующую древнегреческую традицию). Суть этой магии состояла в прогнозировании событий по сокровенной «окраске» часов как «добрых», «средних» и «злых»: для благоприятного исхода следовало начинать любое дело в «добрый» час, избегать его в «средний» и не предпринимать вовсе в «злой». Ятронаука, восходящая к врачебной деятельности эпохи Возрождения, характеризуется использованием часов. Связь установленных в Москве в 1404 г. общественных часов с ятронаукой обусловлена возможностью их использования в специфическом варианте славяно-русской часовой хрономантии.

Ключевые слова: Ятронаука, ятроматематика, час, часовая хрономантия, сокровенная «окраска» часа, «добрый» час, «средний» час, «злой» час, прогнозирование событий, книжная культура, исторический источник.

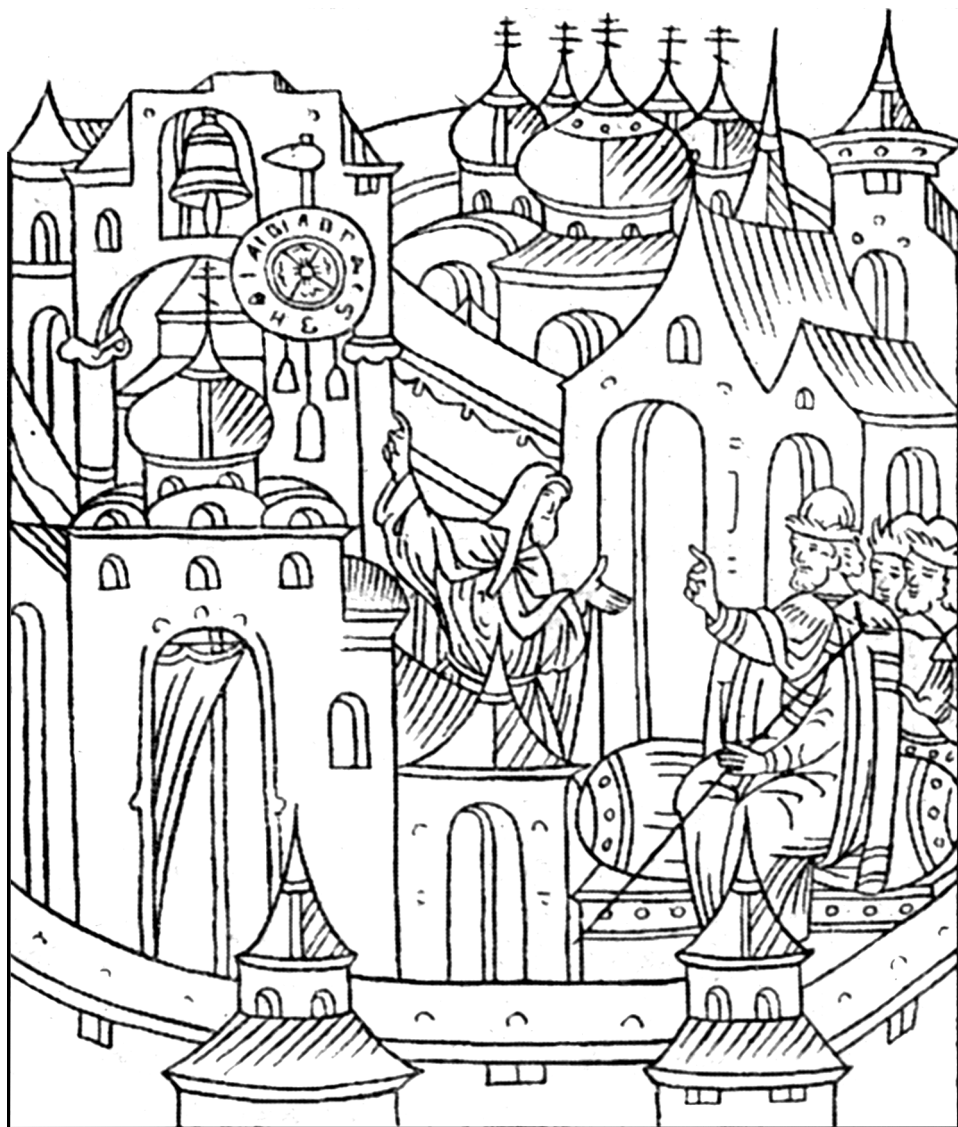
В интеллектуальной истории Средневековой Руси одной из наименее изученных проблем является проблема истоков ятронаучной стадии русской протонауки¹. Поскольку ятронаука в первую очередь была обусловлена врачебной деятельностью (*iátrós* – греч. «врач»²), то историками науки преимущественно выявляются и анализируются источники, непосредственно связанные с нуждами врачей³. Однако такой «лобовой» подход ограничивает начало русской ятронауки примерно концом XV в., когда на Руси укреплялся институт придворных врачей-иноземцев.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 09-03-00633а.

¹ См.: Симонов Р. А. Ятронаучный этап русской естественнонаучной книжности (конец XV – начало XVIII вв.) // ВИЕТ. 2007. № 1. С. 58–89.

² Следует напомнить, что речь идет о герметической медицине эпохи Возрождения, имевшей своей методологической базой алхимию, астрологию, мантику и другие виды магической деятельности. См.: Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. / Ред. И. Т. Касавин. М., 1999; Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., вступит. ст. и коммент. О. Ф. Кудрявцева. М., 1996; Рабинович И. М. О ятроматематиках // Историко-математические исследования. 1974. Вып. 19. С. 223–230.

³ Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Датировка и атрибуция медико-астрологических расчетов, приписанных к Травнику 1534 года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 5–21; Симонов Р. А. Тексты по практической ятроматематике в России XVI–XVII веков // Книга в пространстве культуры. 2005. Вып. 1. С. 31–42.

Изображение часов 1404 г. в Лицевом летописном своде XVI в.

Был еще один, отмечавшийся И. М. Рабиновичем, критерий ятронауки – использование часов⁴. На применение часов, как на важный феномен русской культуры, указывал и Д. С. Лихачев:

В XIV и XV вв. появляется сознание неповторимости эпох, событий, личности [...] Мир понимается и воспринимается во времени, и поэтому некий «сербин» устанавливает в Москве первые городские часы⁵.

⁴ Рабинович И. М. О ятроматематиках... С. 227.

⁵ Лихачев Д. С. О филологии. М., 1989. С. 148–149.

До сих пор до конца не ясны причины, по которым великим князем Московским Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) в 1404 г. в Московском Кремле были поставлены упомянутые Лихачевым первые башенные часы ⁶. В летописной записи об их установке говорится следующее:

Сей часник наречется часомерье, на всякий час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные, и не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно страннолепно, не како створено есть человеческой хитросью преизмечтано и преухищено. Мастер же и художник сему быше некий чернец, иже от Святыя горы пришедший, родом сербин, именем Лазарь; цена же сему быше вящше полутора ста рублей ⁷.

Перевод:

Этот часник предназначается (для) часомерия. Каждый час (этот часник) ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы ночные и дневные, и не человек ударяет, но человековидное, самозвонное и самодвижное изваяние, не человеческим умом придуманное и изобретенное. Мастер же и творец его (часника) был некий монах, с Афона пришедший, родом серб, именем Лазарь; цена же сему (часнику) была более полтора ста рублей.

Миниатюра в Лицевом летописном своде, изображающая «часник» 1404 г., появилась спустя примерно 165–170 лет после его установления и 20–25 лет после инспирированных царем запретов Стоглавого собора 1551 г. на сокровенные знания и прогностические практики. Что именно могло исчезнуть из миниатюры за давностью лет и запретительных мер царя, показывает случай, связанный с поднесением в 1559 г. Ивану Грозному датским посланником часов, которые он отверг по той причине, что ему «как христианскому царю, нечего делать с планетами и знаками» ⁸.

Возможно, изображение «часника» 1404 г. на миниатюре Лицевого летописного свода утратило «планеты и знаки», которые «забраковал» на датских часах царь. Например, о первоначальном наличии на этом «часнике» Луны прямо говорится в летописи: «Чудны велми и с Луною» ⁹. Среди символических обозначений светил («планет») только знак Луны в виде полумесяца был похож на натуральную Луну. На миниатюре Лицевого летописного свода никакой Луны нет: она была удалена, возможно, вместе с другими знаками планет. О движущихся планетах (или знаках планет) «часника» 1404 г. писал И. Е. Забелин ¹⁰, что получило отражение в историографии:

Часы («часник» 1404 г. – Р. С.) имели гиревые двигатели, были с механизмом боя, механической фигурой, воспроизводящей удары, на что указывает также Забелин, имели *планетарный* (выделено мной. – Р. С.) механизм ¹¹

⁶ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). СПб., 1913. Т. 18. С. 281.

⁷ Там же.

⁸ *Базилевич К.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. 1926. Вып. 3. С. 38.

⁹ ПСРЛ. 1949. Т. 25. С. 232–233.

¹⁰ *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. 4-е изд. М., 1918. Ч. 1. С. 112–115.

¹¹ *Питуныров В. Н., Чернягин Б. М.* Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 12–13.

Предположение о наличии планет (или их знаков в виде антропоморфных аллегорий) на «часнике» 1404 г. будет вполне оправданным, если учесть, что существовали древние представления об «управлении» часовым временем семью светилами (Сатурном, Юпитером, Марсом, Солнцем, Венерой, Меркурием и Луной). Если, действительно, «часник» 1404 г. был связан с указанной эзотерической практикой, то могли существовать и сохраниться соответствующие магические тексты. По ним прогнозировались бы события в соответствии с часовой хрономантией, восходящей к Древнему Вавилону; с периода Античности она была известна под указанным названием. Смысл часовой хрономантии заключается в наделении каждого часа суток магическими качествами «доброго», «среднего» и «злого». При этом для достижения успеха в любой деятельности требовалось начинать и осуществлять дела в «добрый» час, избегая «среднего» и исключая «злой»¹².

В настоящее время к магии относятся большей частью как к суеверию. При этом не всегда учитывается историчность магических представлений. В момент их возникновения в седой древности они могли не быть суевериями в том случае, если оказывались в положении средства познания окружающего мира. В период Возрождения в Западной Европе интерес к древним магическим верованиям возродился, они стали изучаться и в университетах. В связи с этим на медицинских факультетах возникли связанные с магией ятронаправления, внутри которых развивались математика, физика, химия и прочие дисциплины, которые в Новое время превратились в науки современного типа. Существование в России в определенные периоды элементов ятронауки порождает необходимость выделить в истории русской науки особую ятронаучную стадию¹³.

При отнесении определенных источников к числу ятронаучных приходится опираться на реалии, которые питали ятронауку. Таковыми являются магические представления, которые возникли в начальный период истории Руси и в определенных формах существуют до настоящего времени. При рассмотрении этих представлений удобно воспользоваться недавно вышедшим на русском языке трудом известного британского ученого В. Ф. Райана¹⁴, посвященной истории русской магии от появления первых сведений о случаях вохвоания и колдовства на Руси до настоящего времени¹⁵.

По убеждению Райана, русская магия заслуживает глубокого изучения не только сама по себе, но и из-за известной недооценки и превратного ее толкования обществом. Как он пишет:

¹² *Симонов Р. А.* Первые московские общественные часы 1404 г. как символ историчности сознания на пути от Предвозрождения к барокко // *Человек в культуре русского барокко* / Отв. ред. М. С. Киселева. М., 2007. С. 345–366.

¹³ *Симонов Р. А.* Русская ятронаука – прорыв в истории науки // *Румянцевские чтения-2007*. М., 2007. С. 304–308.

¹⁴ Уильям Фрэнсис Райан – член Британской академии, президент Британского общества фольклористов, защитил диссертацию в 1970 г. (Оксфорд) «Астрономическая и астрологическая терминология в древнерусской литературе» на ученую степень доктора философии.

¹⁵ *Райан В. Ф.* Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / Пер. с англ. под ред. А. В. Чернецова. М., 2006. См. рец.: *Симонов Р. А.* Неживая старина // *Природа*. 2007. № 8. С. 88–91.

Я не верю ни в магию, ни в гадания и считаю наблюдавшееся в настоящее время их возрождение и использование достойными сожаления; но тем не менее я считаю, что они играют чрезвычайно важную роль в социальной и культурной истории. При этом нередко приходится сталкиваться с недооценкой или превратным пониманием сущности этих явлений, которые окончательно не исчезнут никогда ¹⁶.

Сам феномен магии и ее востребованности отдельными слоями общества современного мира остается до сих пор не до конца понятным. Райан не ставит задачи дать ответ на этот вопрос. Косвенно можно заключить, что он связывает магические представления с интуицией. Это следует из того, что многочисленные эсхатологические ¹⁷ и демонологические расчеты, предпринимавшиеся (и делающиеся до сих пор) людьми, по Райану, «удовлетворяют слишком большому числу инстинктов, чтобы склонность к подобным расчетам могла когда-нибудь бесследно исчезнуть»¹⁸. Отсюда можно заключить, что магия, принадлежа к архетипическим представлениям, связана с подсознанием, чем и объясняется устойчивость интереса к ней и исключительная сложность научного понимания самого феномена магии.

Британский автор выделяет в качестве одного из вопросов, на которые общественность обращает пристальное внимание, связь между магией и религией. Его книга не предлагает новых решений этого

весьма дискуссионного вопроса о природе магии и о ее отличиях от религии. Я лишь отмечаю, что цели магии в России, как и везде, в огромном большинстве отражают личные устремления к сексу, власти, богатству, мести, избавлению от болезни, защите от вреда, причиненного чьими-то магическими действиями. Религии же, даже в своих наименее привлекательных проявлениях, имеют обычно социальные, этические духовные и теологические аспекты, которые ставят их выше устремлений отдельного индивидуума ¹⁹.

Вместе с тем не всегда можно провести четкую грань между магическими и религиозными проявлениями:

Нередко как в Европе, так и в России к различным видам магии прибегали священнослужители основных религиозных конфессий; иногда невозможно четко разграничить формы и функции православной и магической молитвы, иконы и амулета ²⁰.

Не обошел стороной Райан вопрос об отношении к магии советских властей как к составной части старого мира, не заслуживающей обсуждения, или подлежащей искоренению:

Нельзя сказать, что игнорировался сам предмет, однако большинство российских ученых до последнего времени не имели возможности отделять за-

¹⁶ Райан. Баян в полночь... С. 12.

¹⁷ Эсхатологические расчеты принадлежат к определению времени Конца света.

¹⁸ Райан. Баян в полночь... С. 456.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же. С. 18.

дачи научного анализа от целей политической пропаганды и общественного перевоспитания ²¹.

Общий вывод Райана (который он считает самоочевидным) – магия и гадания на Руси восходят к периоду поздней Античности через византийское посредство. Вместе с тем, следуя за П. Бушковичем, Райан парадоксально полагает, что

неизвестно, насколько создаваемая нами на основе доступных скудных исторических данных картина соответствует тому, во что на самом деле верили и что делали разные люди в разных местах и в разное время ²².

Как уже говорилось выше, в современном сознании укоренилось и относится к числу устойчивых (особенно, как ни странно, в кругу ученых-естествоиспытателей) мнение о магии как исключительно суеверии. К чести Райана надо сказать, что он борется с этим ограниченным представлением, однако не очень активно. В его сочинении магия как метод и средство познания на разных этапах человеческой истории, в том числе русской, уходит как бы на периферию основной линии изложения.

Вопреки декларируемому Райаном нежеланию делать далеко идущие теоретические обобщения, сам рассматриваемый исследователем фактический материал наводит на мысль, что на Руси предпринимались попытки рационального познания окружающего мира, облаченные в иррациональные «одежды» магии. Кстати, это не противоречит положительному отношению Райана к фундаментальному труду Л. Торндайка «История магии и экспериментальной науки». С названием указанного труда согласуется мнение Райана:

наука и магия, рассматриваемые сегодня как противоположные друг другу феномены, для большинства людей древности, Средневековья и начала Нового времени составляли более или менее единую область знаний и верований, были частью цельного мировоззрения, теснейшим образом связанного с религией ²³.

Благодаря ятро- и другим магическим представлениям, которые в период Возрождения служили основой и средой для формирования современных естественных наук, человечество должно быть признательно магии, особенно ее ятронаправлениям. Последние в условиях университетской науки Возрождения были предвестниками и средой для сохранения знаний, из которых возникла современная наука, с позиции которой (сейчас) они являются суевериями. В этом заключается двойственность магии Возрождения: сохраняя в себе сверхъестественное, она в то же время породила новую (современную) науку, которая сразу стала преследовать и развенчивать свою мать – магию.

Райан в слабой степени, но все же касается вопроса о ятронауке в России. Так, он указывает на определенное знакомство здесь с ятрохимией:

²¹ Там же. С. 20.

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 12.

После Парацельса развитие школы ятрохимии естественным образом привело к тому, что значительное число врачей, искавших счастья в Московии (многие из которых были просто авантюристами), должны были претендовать хотя бы на какое-то знание алхимии, не говоря уже об астрологии и других тайных науках, — следует полагать, что этого просто требовала их квалификация²⁴.

Например, к числу русских ятрохимических (а точнее — алхимических) относится документ (который Райан не рассматривает), датированный примерно концом XVII — началом XVIII вв. и свидетельствующий о том, что при изыскании средств на ведение войн и финансирование проводившихся широких государственных преобразований в окружении Петра I обсуждался и вариант поиска рецепта философского камня²⁵ для получения алхимического золота²⁶.

Русские магиико-хронологические источники о счете времени часами XV—XVI вв., открытые недавно и в массе своей неизвестные Райану, существенно дополняют источниковую базу ятронаучной стадии русской протонауки. По мнению Райана,

[На Руси] никакого развития математики или астрономии не отмечается вплоть до конца XV века²⁷; в области календарных расчетов Русь к концу XV века практически не продвинулась дальше тех сведений, которыми располагал Кирик Новгородец (XII век)²⁸.

Однако вновь открытые источники и осмысление в контексте прежних данных свидетельствуют, что не с конца XV в., как считает Райан, а не позже начала XV в. сложилась неизвестная до последнего времени русская ятроматематическая традиция²⁹.

Следует учитывать, что часовая хрономантия могла функционировать, «гарантируя» успех, если был известен механизм магического «управления» часами суток и действовал алгоритм «окраски» часов в «добрые», «средние» и «злые» и имелись бы отклики (положительные и отрицательные) по поводу хрономантического прогнозирования. Другими словами, существование славяно-русского варианта часовой хрономантии можно было считать доказанным в том случае, если бы были найдены соответствующие тексты. Действительно, такие тексты в славяно-русской традиции выявлены³⁰. Рассмотрим 14 из них:

²⁴ Там же. С. 527–528.

²⁵ Кстати, в Англии поисками философского камня занимался Исаак Ньютон.

²⁶ Яковлев С. Е. Алхимический рецепт в России // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник, 1999. М., 2000. С. 12–18.

²⁷ Райан. Баян в полночь... С. 537.

²⁸ Там же. С. 563.

²⁹ О наиболее раннем (на данный момент) медико-магическом древнерусском тексте числового характера см.: Симонов Р. А. Берестяная грамота № 715 XIII в. с числовым заклинанием // Труды четвертых Колмогоровских чтений. Ярославль, 2006. С. 284–290.

³⁰ Симонов Р. А. Тайна древнерусского времени: новый синтез // Календарно-хронологическая культура и проблемы ее изучения: к 870-летию «Учения» Кирика Новгородца. М., 2006. С. 149–159.

Дни, Часы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
Воскресенье	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з
Понедельник	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з
Вторник	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д
Среда	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д
Четверг	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д
Пятница	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с
Суббота	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с	д	д	з	с	д	з	с

*Табличное представление текста «Часы на семь дней: добры и средни и злы».
По списку Ефросина 1450–1470 гг., РНБ*

Таблица относится к хрономантии, восходящей к архаическому прогностическому учению Древнего Вавилона. Хрономантия в Древней Греции приобрела «классический» облик. Таблица точно описывает принцип магического «управления» каждого часа одним из семи светил: Сатурном, Юпитером, Марсом, Солнцем, Венерой, Меркурием и Луной, как он (принцип «управления») излагается в историко-научных работах ³⁴. Таким образом, можно заключить, что таблица является своеобразной матрицей, на основе которой каждому часу суток ставилось в соответствие его светило-«управитель» (по греч. – «хронократор»).

При этом светило-хронократор 1-го часа каждого дня недели было «управителем» этого дня. В левом столбце таблицы этот факт отмечался первыми (и другими) буквами названий соответствующих дней недели. Сверху вниз: Н – неделя (т. е. воскресенье), П – понедельник, В – вторник, Р – среда, Ч – четверг, Т – пятница, С – суббота. Большинство знаков отвечает первой букве названия дня недели. Если буква уже была применена, то бралась следующая согласная. Указанная особенность позволяет заключить, что исходной в этом счете была суббота – С, далее шли: неделя – Н, понедельник – П, вторник – В, среда – Р, четверг – Ч, пятница – Т. Отсюда понятно, почему среда обозначается второй буквой Р, а не первой – С, которая была уже использована для обозначения ранее идущей субботы.

В таком случае первоначальный облик таблицы мог быть другим. Выше всех располагались данные для субботы, затем – воскресенье и так далее.

³⁴ Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1990. С. 79–80.

Порядок букв Н, П, В, (с)Р, Ч, (пя)Т может быть датировочной приметой: когда он зафиксирован впервые в славяно-русской книжности, то не позже этого времени могла появиться изучаемая таблица. Рассмотренные славяно-русские обозначения дней недели в последнем порядке на Руси известны не позже конца XIV в., о чем свидетельствует их расположение в Служебнике второй половины XIV в.³⁵

2. «Часы на семь дней: добры и средни и злы»³⁶. Древнерусский сборник с рассматриваемым произведением переписан известным книгописцем Ефросином в 1450–1470 гг. Текст опубликован³⁷ и изучен³⁸. Хрономантией предписывалось примерно со времен Птолемея (II в.) все дела начинать и совершать в час, «управляемый» благоприятными («добрыми») светилами (Юпитером и Венерой); остальные дни и часы сулили неудачу, особенно в «управляемые» «злыми» Сатурном и Марсом. Существовала методика, в частности, представленная выше таблицей 1, по которой устанавливалось такого рода «управление» часами. Птолемеевская трактовка светил-хронократоров до сих пор является ядром хрономантии как составной части астрологии³⁹.

Древнерусский текст «Часы на семь дней: и добры и средни и злы» представляет собой перечень характеристик всех часов недели по «качествам» «доброты», «злоты» и «средне». Руководствуясь этим перечнем, человек мог прогнозировать успешный исход любых дел, если их приурочить к «добрым» часам, и, избегая неуспеха, остерегаться «средних» и особенно «злых» часов. Интерес и загадку представляет тот факт, что характеристики светил-хронократоров, лежащие в основе текста «Часы на семь дней», существенно отличаются от птолемеевских. Так, Сатурн здесь был не «злым», а «добрым»; Юпитер не «добрым», а «злым» и так далее. Единственным совпадением была «доброта» Венеры в обоих случаях. Никаких объяснений оригинальным трактовкам светил-хронократоров (по сравнению с общепринятой птолемеевской) в славяно-русских источниках не содержится.

3. «По сему часы разумети дневные и ночные»⁴⁰. Текст опубликован⁴¹ и исследован⁴². Произведение представляет собой совокупность таблиц, скомпонованных на одном листе. Объяснение к их использованию в тексте отсутствует (оно не было предусмотрено). Таблицы, по-видимому, являются образцом средневекового «научного» текста, доступного лишь посвященным.

³⁵ РНБ. Ф. п. I. № 73. Л. 394; Симонов. Первые московские общественные часы 1404 г. ... С. 357. Рис. 9.

³⁶ РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 22/1099. Сборник середины XV в.

³⁷ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 327–343.

³⁸ Симонов Р. А. Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV в. // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. М., 1992. Сб. 3. С. 327–343.

³⁹ Саплин А. Ю. Астрологический энциклопедический словарь / Общ. ред. и предисл. Г. Е. Куртика. М., 1994. С. 417.

⁴⁰ РГБ. Ф. 354. № 14. Псалтырь с воследованием конца XV – начала XVI вв. Л. 663.

⁴¹ Simonov, R. A. Russian Astrology: F New Monument of the Late Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // Acts XVIII-th International Congress of Byzantine Studies: Selected papers. Shepherstow. 1996. Vol. IV. P. 291–297, с публикацией текста.

⁴² Симонов Р. А. Астрологический «вечный календарь» в русской рукописи конца XV – начала XVI в. // Букинистическая торговля и история книги. 1995. Вып. 4. С. 54–69.

Г	А	Е	С	М	А	З	И	В	Г	А							
Е	С	З	А	А	Н	А	Г	Г	А	Е	С						
З	А	В	Г	А	Г	М	Е	Е	С	З	И						
В	Г	А	Е	С	И	И	И	З	И	Е	Г						
А	Е	С	З	А	А	Ч	Г	П	Г	А	Е						
С	З	А	В	А	А	С	А	Е	С	З							
А	В	Г	А	З	З	З	С	З	И	Е							
Е	Г	А	З	И	С	В	А	Г	О	А	И	З	А	Г	Е	И	
Юлианская таблица																	
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С
Г	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р
Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х
Е	С	З	А	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П
С	З	А	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С
Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
В	Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У
Г	Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф
Д	Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х
Е	Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц
Ж	З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч
З	И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш
И	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ
Й	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ
К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы
Л	М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь
М	Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э
Н	О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю
О	П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я
П	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я	
Р	С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я		
С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я			
Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я				
У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я					
Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я						
Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я							
Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я								
Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я									
Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я										
Щ	Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я											
Ъ	Ы	Ь	Э	Ю	Я												
Ы	Ь	Э	Ю	Я													
Ь	Э	Ю	Я														
Э	Ю	Я															
Ю	Я																
Я																	

«По сему часы разумети дневные и ночные» по списку рубежа XV–XVI вв., РГБ

Предназначение: прогноз событий (для любой юлианской даты, взятой из прошлого или будущего) по «качествам» соответствующего часа как «доброе», «среднего» и «злого». В таблицах «По сему часы разумети...» используется нептолемеяевская характеристика светил-хронократоров, подобная той, которая представлена в «Часах на семь дни», то есть с «добрым» Сатурном.

В принципе, на основе таблиц «По сему часу...» можно было рассчитать и составить предыдущий источник «Часы на семь дней», рассмотренный выше под номером 2.

Вероятно, сохранившийся комплекс таблиц конца XV – начала XVI вв. является не оригиналом текста «По сему часу...», а его позднейшим списком. Об этом как будто бы говорит перестановка хронократорных «качеств» у Юпитера («средний») и Марса («злой»), – по сравнению с текстом «Часы на семь дней»: Юпитер («злой») и Марс («средний»). Такая инверсия могла быть результатом путаницы (данные о Юпитере и Марсе в таблицах «По сему часу...» стоят рядом), возникшей в процессе неоднократного дублирования таблиц, оригинал которых, возможно, впервые появился раньше текста «Часы на семь дней», то есть еще в первой половине XV в.

4. *Текст раннего Средневековья из сербского монастыря*. О нем М. Б. Левин упоминает следующее:

Я хочу сослаться на мало известную работу раннего Средневековья, найденную в одном из сербских монастырей. Там каждому часу дня приписано качество: добрые часы, злые, нейтральные. Связав эти качества с планетами часа, можно видеть, что все плохие часы – часы Меркурия и Юпитера, все добрые часы – Солнца, Сатурна и Венеры, а нейтральные – Луны и Марса ⁴³.

Характеристики светил-хронократоров у Левина точно совпадают с теми же, что даны в тексте «Часы на семь дней». Возможно, речь идет о некоем (третьем) оригинальном произведении, содержащем славяно-русские характеристики светил-хронократоров (нептолемеевские).

Общие выводы по рассмотренным источникам таковы: а) в средневековой России (примерно с XV в.) существовала расчетная прогностика событий по «окраске» часов как «добрых», «средних» и «злых» (вариант античной хрономантии); б) соответствующая «окраска» времени существенно отличалась от традиционной птолемеевской, что позволяет заключить, что установленная славяно-русская трактовка прогностического времени была оригинальной, возможно, неизвестной в остальном (неславянском или уже – нерусском) мире.

5. *«Сказание о Мамаевом побоище»*. Оно известно в 10 вариантах и примерно 150 списках. По данным Б. М. Клосса, сочинение было написано епископом Митрофаном в 1521 г. ⁴⁴. Это, кажется, наиболее поздняя дата; по мнению других авторов произведение появилось раньше: в конце XIV, XV или начале XVI вв. В данном случае существенно, что традиция прогностической «окрашенности» часа, как будто бы отраженная в «Сказании», могла сохраняться до 1521 г.

Драматизм описания Куликовского боя в «Сказании» состоял в том, что основное русское войско, лишившееся руководителя в лице великого князя Дмитрия Ивановича из-за его тяжелого ранения, было на грани поражения. Его двоюродный брат князь Владимир Андреевич, к которому перешло формальное руководство войском, находился во главе засадного полка в укритии

⁴³ Левин М. Б. Лекции по астрологии. М., 1992. Ч. 3. С. 60–61.

⁴⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. 2. С. 345.

и с горечью наблюдал за гибелью русских ратников. Удивительное дело: он не мог употребить свою власть и выступить на помощь основному войску. И все это из-за того, что при нем находился воевода Д. М. Боброк-Волынец, которого автор «Сказания» наделил невероятными полномочиями: Владимир Андреевич мог вступить в бой только с его согласия, которого Боброк не давал. Воевода Боброк ждал восьмого часа, и упорно не давал своему фактическому начальнику князю Владимиру Андреевичу немедленно вступить в бой, а тот почему-то его слушался.

В чем же дело? А дело в том, что Боброк был «ведомцом». Когда великий князь Дмитрий Иванович наряжал в засаду полк Владимира Андреевича, то он с ним «отпустил» своего «ведомца». Ведовские качества Боброка описаны в «Сказании» в том месте, где говорится о рекогносцировке перед сражением, предпринятой Дмитрием Ивановичем совместно с Боброком («испытание примет»). В задачу Боброка входило предсказание исхода предстоящего боя. Он это сделал путем «выслушивания» окружающей природы и земли, для чего прижимался к ней ухом.

В «Сказании» не объясняется, почему Боброк ждал именно восьмого часа. В. Н. Рудаков полагал, что указанный час, по древнерусскому автору, «непременно должен быть “счастливым”»⁴⁵. В таком случае «счастливый» (как «добрый») час должен рассматриваться в качестве необходимого, а не достаточного условия победы, так как «доброта» часа в равной степени относилась как к победе русских, так и к победе ордынцев.

Действительно, когда восьмой час наступил, Боброк и не подумал разрешать выступление засадного полка, а стал ждать достаточного условия победы в виде помощи небесных сил. В качестве соответствующей приметы Боброк правильно определил подувший «ззади» ветерок и повел засадный полк в победное наступление. Можно ли установить, в какой традиции автор «Сказания» рассматривал «добрый» восьмой час – птолемеевской или славяно-русской?

По «Сказанию», Куликовская битва была в пятницу (в одном из списков – сравнительно позднем – указано воскресенье, а в действительности сражение происходило в субботу). Бой начался в шестой час и длился до восьмого часа, с наступлением которого началось поражение ордынцев, к девятому часу бой закончился их полным разгромом. Указанная длительность сражения с точки зрения хрономантии «обеспечивалась» отсутствием среди указанных 6–8 часов «злых» и обязательно «злым» девятым часом, прекращающим битву. Расчеты свидетельствуют, что этому критерию отвечает только пятница, причем в славяно-русской «окраске» часов: шестой час был «средним», седьмой и восьмой «добрыми», а девятый – «злым». Во все остальные дни недели какой-то из часов (шестой, седьмой или восьмой) был «злым», напротив, девятый час не был «злым», что исключало возможность битвы в эти дни.

В птолемеевской традиции Куликовскому сражению по тому же критерию благоприятствовал понедельник. Следовательно, «Сказание» можно рассматривать памятником, в котором историческая битва поставлена в связь со

⁴⁵ Рудаков В. Н. «Дух южны» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 149.

славяно-русской (а не птолемеевой) традицией «окраски» времени. В связи с этим древнерусский автор даже внес новую (искаженную) информацию о пятнице Куликовского сражения 8 сентября 1380 г., вместо летописной (хронологически верной) субботы⁴⁶.

6. «Сказание царя Соломона, что есть печать большая, откуда, как ему приде». В основном, произведение известно по списку XVII в., опубликованному и частично изученному А. И. Соболевским⁴⁷. Он считал, что

в этом тексте мы имеем дело с компиляцией, составленной в Московской Руси не позднее конца XVI века, на основании источников греческого происхождения и литературы жиновствующих⁴⁸.

И спустя примерно столетие это мнение остается в силе. Так, оно воспроизводится В. Ф. Райаном, с указанием еще на два списка «Сказания» XVIII и XVIII–XIX вв.⁴⁹. Помимо указанных трех списков известны еще четыре: конца XVII, конца XVII – начала XVIII и XVIII вв.⁵⁰.

В «Сказании» Соломону приписывается изобретение многих знаний, преимущественно из области астрономии и календаря:

То все развел Соломон царь своею мудростию, каков к чему час и в часу дробь и точка и граница во дни или в ночи, и в коем часу куда ходити или ехати или з сильным стречатися...⁵¹

(«дробь», «точка», «граница» – дробные части часа⁵²). Выделенные курсивом слова, очевидно, Соболевскому казались примечательными, но ни он, ни другие исследователи их, кажется, не комментировали.

Указанные в «Сказании» прогнозируемые события об отправлении в путь, о встрече «з сильным» можно отнести к числу типичных. Они, например, включены в следующие варианты в прогностический «Брюсов календарь» начала XVIII в.: «Странствовать семо и овамо, и паки с миром возвратитися в дом», «Ездити, чтоб добре получить», «В приятели итьти», «Шествовати морем или водою», «Ко князем и к господам впервые к ним приити», «Князей и господ просити». В «Брюсовом календаре» исход перечисленных событий ставился в соответствие с расчетом «доброго», «среднего» или «злого» дня (не часа), в который они происходят⁵³. В «Сказании» Соломона речь идет именно о часе: «в коем часу». Здесь, возможно, впервые (если не единственный раз) дается письменная, причем в позитивном контексте, оценка предсказаний

⁴⁶ Симонов Р. А. Древнерусская «сокровенная математика» XV – первой половины XVI веков // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 8 (43). М., 2003. С. 116–123.

⁴⁷ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 428–433.

⁴⁸ Там же. С. 433.

⁴⁹ Райан. Баян в полночь... С. 560–570, 587.

⁵⁰ Романова А. А. Легендарные создатели календаря и единиц измерения времени: царь Соломон // Естественнаучная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 44–48.

⁵¹ Соболевский. Переводная литература Московской Руси... С. 429. Курсив Соболевского.

⁵² Зубов В. П. Кирик Новгородец и древнерусские деления часа // Историко-математические исследования. 1953. Вып. 6. С. 208.

⁵³ Брюсов календарь / Изд. Т. Росинского. Харьков, 1875. С. 24–25.

по часам. В какой традиции – птолемеевской или славяно-русской – бралась «окраска» времени, из текста «Сказания» установить нельзя.

7. «О злых днях и часах» (ок. 1524 г.), послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея. Произведение известно также под другими названиями, например, «Послание на звездочетцы и на латыны». Здесь дается негативная оценка прогнозу жизни человека по «окраске» часа его рождения:

А о седми планитах. и о дванадесет зодеех. и о прочих звездах. и о злых часех. и о рождении члчством в которую звезду. или час зол, или добр и получаа счастком. и богатству и нищете. и в рождении добродетелем. и зломом и долголетству жития. и сокращения смртию. сия вся кощуны сут, и басни ⁵⁴.

В тексте под «звездой» угадывается светило-хронократор, характеризующее судьбу родившегося человека по принципу добро–зло: быть ли ему счастливым и добродетельным или злобным, богатым или нищим, долго жить или скоро умереть. Все это Филофей считал баснями и кощунством. Обосновывая свое мнение, он апеллировал к логике: «Аще бо злыя дни и часы сътворил Бог, почто грешных мучити ему. Бог имать винен быти, яко зла члка народил» ⁵⁵. Его рассуждение напоминает доказательство от противного. Допустим, что Бог сотворил «злые» дни и часы, тогда человек, родившийся в такой день и час, заранее будет предназначен для злодейства. При этом Бог, наказывая его, поступал бы несправедливо, так как сам повинен в его зле. Получилось противоречие: Бог не мог быть одновременно справедливым и несправедливым (наказывающим за зло, которое породил сам). Следовательно, предположение о том, что Бог создал «злые» дни и часы, не верно. Поэтому вера в Бога не совместима с верой в «злые» дни и часы.

Обычно церковные послания строились на авторитете Священного Писания и богословских сочинений Отцов Церкви, а не на законах логики. На необычность логической аргументации Филофея указывалось в историографии (например, К. Голоскевичем и В. Малининым ⁵⁶). Однако отсутствовало объяснение, чем обусловлен такой необычный случай. Не претендуя на окончательное решение вопроса, можно предположить, что у прогнозирования по «окрашенности» времени (дней и часов) были авторитетные покровители в церковной и правительственной верхушке спустя около 120 лет после установления «часника» в 1404 г. Очевидно, Филофей не мог просто так отмахнуться от способа прогнозирования судьбы новорожденного по часу рождения, лишь сославшись, например, на чей-то авторитет. Удивляет другое: казалось бы, слишком высокий для первой четверти XVI в. уровень логического мышления апологета теории «Москва – третий Рим».

8. «Стоглав» – сборник постановлений церковного собора 1551 г. В нем, в частности, перечислялись запретные учения и знания и осуждались люди, которые

⁵⁴ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прилож. С. 39.

⁵⁵ Там же. С. 40.

⁵⁶ Голоскевич К. Астрология в России в XV–XVI вв. и послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «на звездочетцы и на латыны». Остров, 1897. С. 19; Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 306.

во Аристотелевы врата и Рафли смотрят и по звездам и по планитам гадают и *смотрят дней и часов* (выделено мной. – Р. С.) и теми дьявольскими действами мир прельщают и от Бога отлучают⁵⁷.

Похоже, что атака, предпринятая Филофеем около 1524 г. на прогнозирование по «окраске» дней и часов, была прилюдией к официальному запрету хрономантии в 1551 г. Поскольку в рассмотренном выше «Сказании царя Соломона» соответствующее прогнозирование представлено позитивно, то, скорее всего, «Сказание» возникло до середины XVI в., что не противоречит датировке Соболевским текста, как возникшего «не позднее конца XVI века».

9. *Список отреченных «книг» по рукописи XVI века*⁵⁸. Текст опубликован⁵⁹, но подробно не изучен. Списки отреченных (запрещаемых церковью) произведений, учений и практик достаточно разнообразны. Так, рассматриваемый список XVI в. содержит неизвестную отреченную «книгу» (или практику), названную «часомерием»:

...отреченыя же книги сут астрономия, звездочѣтия, сънник, влѣхвонник, птични чарове, землемерие, *часомерие* (выделено мной. – Р. С.), стегенья, знамена луннаа и слнчѣнаа⁶⁰.

Никаких пояснений по поводу «часомерия» список не содержит. Можно предположить, что появление «часомерия» среди отреченных «книг» обусловлено церковным запретом смотреть «дней и часов»⁶¹.

Кажется, впервые «часомерие» (в написании «часомерье») встречается в Симеоновской летописи конца XV в. в статье 1404 г.:

Въ лето 6912, индикта 12 Князь Великий замысли часникъ и постави е на своем дворе за церковью за Св. Благовещениемъ. Сий часникъ наречеться *часомерье* (выделено мной. – Р. С.)⁶².

В летописи не разъясняется, что такое «часомерье». В историографии слово толкуется как «измеритель времени»⁶³.

Вопрос: как «часомерие» могло попасть в число отреченных «книг» (практик), если оно занималось невинным измерением времени? На него можно ответить так: Василий Дмитриевич первоначально не мыслил использование «часника» для сокровенного «часомерия». Это произошло впоследствии в связи с появлением прогностических текстов типа «Часы на семь дней», «По сему часы...». Однако этот вариант логически несостоятелен: как-то странно, что ни с того, ни с сего, но именно ко времени, близком к установке «часника», появляются оригинальные тексты по прогностической «окраске» дней и

⁵⁷ Стоглав. М., 1890. С. 181–182.

⁵⁸ РНБ. Соф. 1285. Л. 46.

⁵⁹ Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 349.

⁶⁰ РНБ. Соф. № 1285. Л. 46.

⁶¹ Стоглав: Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. М., 1890. С. 181–182.

⁶² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 281.

⁶³ Питуныров, Чернягин. Развитие хронометрии в России... С. 12.

часов и исчезают к середине XVI в., то есть после запрета Стоглавым собором 1551 г. прорицаний по дням и часам.

Логически более приемлемым выглядит другой вариант: Великий князь Московский изначально замыслил «часник» для сокровенного (хрономантического) «часомерия». Тогда он параллельно с установкой «часника» должен был озаботиться о соответствующих прогностических «пособиях». Их наличие в достаточно близких к 1404 г. списках подтверждает это.

Московские часы 1404 г., по-видимому, предназначались для так называемых «косых» часов переменной длительности (равных 1/12 отдельно дня и отдельно ночи)⁶⁴. На «косые» часы рассчитано произведение «По сему часы разумети дневные и ночные», сохранившееся в списке рубежа XV–XVI вв.

Примерно с середины XVI в. в Москве, а затем по всей России, перешли на счет часами постоянной длительности в 60 мин. Начало отсчета в этой системе велось «дневными» часами с рассвета и «ночными» с заката⁶⁵. Для новой системы счета времени постоянными часами не годилось основанное на «косых» часах хрономантическое прогнозирование. В условиях запрета и нового русского часового счета русская часовая хрономантия XV – первой половины XVI вв. была обречена.

10. *Кириллова книга 1644 г.* Это произведение, являющееся полемическим сборником, было издано по приказу царя Михаила Федоровича Романова за год до его кончины; оно содержит перечень запрещенных сочинений. Здесь в ряду гадательных и предвещательных книг и знаний осуждающе говорится «о часах добрых и злых». Прогнозирование по часам здесь трактуется, наряду с другими отреченными верованиями, как относящееся к волхвованию, которому предаются «безумныи людие».

По-видимому, осудительный текст о «добрых и злых часах» в Кирилловой книге 1644 г. является одним из последних. При следующем российском государе Алексее Михайловиче отношение к астрологии изменилось на более благоприятное⁶⁶.

11. Отреченная книга «Рафли». Данное магическое произведение известно в единственном славяно-русском списке рубежа XVII–XVIII вв.⁶⁷. Обнаружившие и исследовавшие текст А. А. Турилов и А. В. Чернецов считают автором-составителем «Рафлей» псковича Ивана Рыкова и датируют компиляцию 1579 г.⁶⁸ Райан полагает, что первоначальный славянский вариант Рафлей до его переработки Рыковым был плодом творчества еретиков «жидовствующих»⁶⁹, переводческая деятельность которых приходится на вторую половину XV в.

⁶⁴ Там же. С. 13.

⁶⁵ Симонов Р. А. Косой, дневной, ночной час // Русская речь. 1993, № 4. С. 68–74.

⁶⁶ Симонов Р. А. Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). М., 1998. Гл. 5: Прогностическая астрология на «службе» у царя Алексея Михайловича. С. 85–114.

⁶⁷ РГБ. Ф. 439. К. 21. Ед. хр. 3. Сборник кон. XVII – нач. XVIII вв.

⁶⁸ Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 260–344.

⁶⁹ Райан. Баня в полночь... С. 490–492.

В Рафлях неоднократно встречается упоминание «добрых» и «злых» часов (ссылки далее даются на страницы текста издания):

В те бо времена бывает Луна полна и стои на злых зодиях и на *часех злых* (выделение курсивом здесь и далее мое. – Р. С.)... И прежде сыщи зодио добрую и *час добрый*...

И смотри *часа доброго* и Солнца и Луны, в тихости сияющих...⁷⁰

Дни смотреть и *часы добрыя и злыя*⁷¹.

Дни смотри и *часы добрыя и злыя*⁷².

Сей день добр, в нем часы: *3 час, 6 час, 11 час добр*⁷³.

Чтобы понять смысл приведенных фраз, необходимо учитывать магическое содержание книги Рафли. Оно относится к геомантии, в которой прогностическое гадание осуществлялось путем нанесения случайных серий штрихов или точек, кружков на песке, земле: отсюда название «геомантия» (от греч. γῆ – земля и μαντεία – гадание, пророчество). Штрихи (точки, кружки) подсчитывались; на отдельном месте нечетное число отмечалось одним штрихом (точкой, кружком), четное число – двумя штрихами (точками, кружками) или горизонтальной черточкой. Позднее для этого использовался лист бумаги. Для каждого случая исходной была серия из четырех гаданий, в результате чего получалась четырехуровневая фигура. 16 (или 8) таких фигур сводились (попарно) к одной фигуре; по ее виду, обращаясь к перечню заранее сформулированных ответов, делался прогноз.

Общим содержанием всех выписанных выше фрагментов является требование производить гадание по Рафлям в «добрый» час (и никогда в «злой»), с учетом и других факторов: «доброго» знака Зодиака, «доброго» дня, «тихих» Солнца и Луны. Проверить соответствие магии Рафлей традициям часовой хрономантии можно по воспроизведенному выше фрагменту: «Сей день добр, в нем часы: 3 час, 9 час, 11 час добр». По тексту «Часы на семь дни: добры и средни и злы» (середина XV в.)⁷⁴ находим, что по славяно-русской традиции в «добрые» пятницу и субботу 11 час будет также «добрым», что отвечает процитированному тексту. При этом третий час в той же традиции будет «средним», девятый час – «злым» (для пятницы и субботы).

Текст фрагмента не содержит указаний на «качества» третьего и девятого часов, если не считать, что «качество» 11 часа – «добр» – относится и к ним; но в таком случае следовало ожидать форму множественного числа – «добры». Возможно, «качества» третьего и девятого часов (первый «средний», второй «злой») в сохранившемся тексте Рафлей по списку рубежа XVII–XVIII вв. пропущены переписчиком: «...Текст (Рафлей. – Р. С.) в ряде случаев дефектен, он пострадал от таких ошибок переписчиков, как пропуски и повторы»⁷⁵. В птолемеевской традиции фрагменту (день и его

⁷⁰ РГБ. Ф. 439. К. 221. Ед. хр. 3. Сборник кон. XVI – нач. XVIII вв. С. 302.

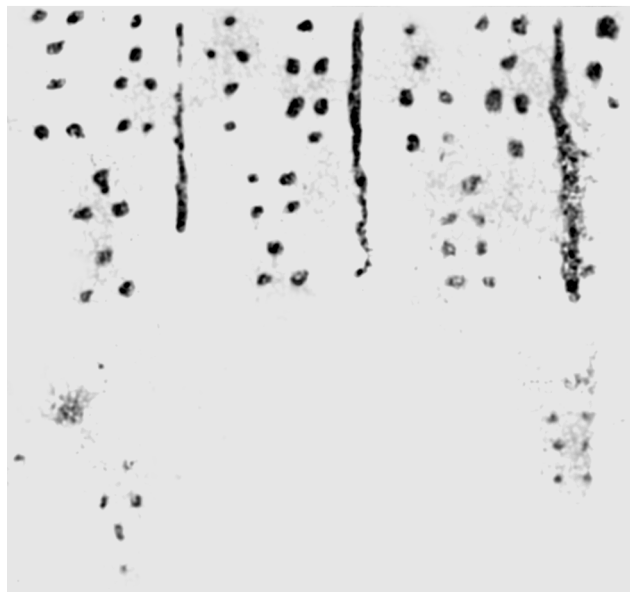
⁷¹ Там же. С. 323.

⁷² Там же. С. 331.

⁷³ Там же. С. 332.

⁷⁴ Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы... С. 382–384.

⁷⁵ Райан. Баня в полночь... С. 492–493.

Геомантические фигуры на миниатюре Радзивилловской летописи XV в.

11 час «добры») будет отвечать только один день недели – четверг. Причем, как и в рассмотренном славяно-русском случае, третий час будет «средним», а девятый – «злым».

Таким образом, установить, в какой традиции в Рафлях велся выбор «добрых» и «злых» часов – славяно-русской или птолемеевой – не представля-

«Сказание о домах добрых и о средних и о злых сицево сущих» в составе Рафлей по списку рубежа XVII–XVIII вв., РГБ

ется возможным. Нельзя исключать, что здесь использовалась некая третья традиция, если учесть что оригинал Рафлей, с которого был сделан в XV в. славянский перевод, был написан, скорее всего, на древнееврейском языке⁷⁶. В пользу третьей традиции также говорит то, что в Рафлях ни разу не встречается характеристика «средний» час, присущая славяно-русской и птолемеевой практикам. Хотя понятия «добрый», «средний» и «злой» в Рафлях параллельно употребляются, например, в «Сказании о домах добрых и о средних и о злых сицево сущих».

12. *Лунные прогностики.* Древнейшие славяно-русские списки лунных прогностиков относятся к XV–XVII вв. Наиболее старый встречается в имеющем энциклопедический характер «Сборнике» Кирилла Белозерского (рубеж XIV–XV вв.)⁷⁷. Чтобы понять назначение и структуру этого произведения, достаточно познакомиться с его началом:

Сказание известно луннымь годомь: когда сеати и садити и врачевати человека. Наставшаго месяца небесного в 1 день до 9-го часа сеати и садити и кровь пущати, и власы стрищи. 2, 3 день – год сухь, а не чръвень – отрасли резати. А кровь пущай о полудни. 4 день по-рану кровь пущай. А от 6-го часа вьсе строити добро⁷⁸.

Как уже говорилось, в часовой хрономантии, «злым» считается час, с которого (или в процессе которого) нельзя заниматься определенной деятельностью, а можно – в «добрый» час. По рассматриваемому Лунному прогностическому, в первый день лунного месяца девятый час является «злым» так как после

⁷⁶ Там же. С. 492.

⁷⁷ РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № XII. Л. 186-об.–187.

⁷⁸ Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. СПб., 2003. С. 125.

его наступления нельзя было сеять и сажать растения и заниматься лечебным кровопусканием. Зато «добрыми» для кровопускания являлись шестой час («полудни») во второй и третий дни и рассвет («по-рану») в четвертый день. Кроме того, в четвертый день «добрым» для всех дел был шестой час. Название «злой» час здесь явно не употреблялось, неявно «добрый» час представлен в оценочных словах «всье строити *добро* (выделено мной. – Р. С.)», характеризующих шестой час четвертого дня лунного месяца. Судя по тексту, речь шла о «косых» часах, как это было представлено и во многих других славяно-русских Лунных прогностиках⁷⁹.

В историографии отмечается, что характеристика часов по их магической «окраске» является прерогативой славяно-русских Лунных прогностиков: в западноевропейской традиции она отсутствует. Так, Райан по указанному поводу пишет:

Однако у русских лунников имеется характерная особенность: к предсказаниям почти на каждый день добавляется указание на «злой час» (отсутствующее в латинских и немецких версиях)⁸⁰.

В славяно-русской и птолемеевской часовой хрономантии суточная частотность «качеств» часов достаточно устойчива. Человек мог успешно начать определенное дело в «добрый» час 10–11 раз в сутки. В рассмотренных же Лунных прогностиках начало некоего дела (посев злаков, кровопускание и пр.) связывается, как правило, с одним только «добрым» часом, как и запрет на такие дела здесь обуславливается одним «злым» часом в сутки.

Можно заключить, что, судя по данным Лунных прогностиков, влияние хрономантии было достаточно велико на общественное сознание даже после запрета этой магической практики Стоглавым собором 1551 г. По-видимому, с понятиями «добрый» / «злой» час стали связывать временные характеристики магических практик, отличных от хрономантии. Например, благоприятные / неблагоприятные моменты совершения дел в Лунных прогностиках могли определяться по началу (часу) пребывания Луны в «добрых» / «злых» знаках Зодиака.

13. *Миниатюра, посвященная магическому времени*. Содержится в «Лицевом синодическом сборнике» конца XVII века⁸¹. Миниатюра обнаружена и предварительно изучена И. М. Грицевской⁸². В верхней части миниатюры изображено магическое «Колесо Фортуны». В нижней символически представлено чередование (смена) в сутках дня и ночи в виде двух зверей, разделенных сужающимся вверх столбом, который служит основанием или опорой «Колеса Фортуны». Рядом со зверями имеются надписи. Над левым зверем: «В нощи зверь чернь грызущь столпъ». Над правым: «Во дни зверь белъ грызущь столпъ».

⁷⁹ Симонов Р. А. О временном делении суток в «Лунных прогностиках» на Руси // Историко-астрономические исследования. М., 2003. Вып. 28. С. 216–223.

⁸⁰ Райан. Баня в полночь... С. 546.

⁸¹ Нижегородская областная библиотека. Ф. 1. № 144. Раз. № 30.

⁸² Грицевская И. М. Лицевой синодический сборник Нижегородской областной библиотеки // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006. С. 432–449.

Грицевская установила, что источником древнерусской миниатюры мог быть вариант западноевропейского изображения «Колеса Фортуны». Он представлял собой круг с пятью фигурами, главной из которых была Фортуна: именно она двигала «Колесо». Остальные четыре фигуры находились на его ободе, цепляясь за него. На вершине «Колеса» царил коронованный юноша. Справа помещалась падающая фигура. Внизу находился поверженный человек. Слева карабкалась вверх по ободу «Колеса» четвертая фигура. Древнерусский рисунок «Колеса Фортуны» (верхняя часть) как бы редактировал западноевропейский. Вместо пяти здесь имелись четыре фигуры, отсутствует – Фортуна. На ободе «Колеса» помещались, как и в западноевропейском случае, четыре человека: в верхней части – коронованный юноша; справа – падающий человек; внизу – поверженный человек; слева – устремленная вверх фигура.

Сопоставление образцов «Колеса Фортуны» показывает, что в древнерусском случае исчезает само изображение Фортуны. Вместе с тем появляется отсутствующий в западноевропейской традиции временной – в виде столба и сменяющих день и ночь зверей – компонент, выступающий своего рода аналогом судьбоносной Фортуны. Тем самым выражалась мысль, что время обладает магическими качествами. Возможно, Фортуна на рассматриваемой миниатюре исчезла из-за того, что на Руси «Колесо Фортуны» не использовалось как прогностическая методика⁸³; ее замещение символами времени могло произойти в результате применения в стране часовой хрономантии. Однако миниатюра не содержит деталей счета времени часами.

Замена Фортуны «грызущими» временной столб зверями, символизирующими чередование дня и ночи в сутках, показывает, что магическим проявлением судьбоносности может выступать именно смена дня и ночи. Этот вывод обретает конкретность на основе часовой хрономантии. Дело в том, что древнегреческая хрономантия различала магических «управителей» дня и ночи. Качество магической «окрашенности» первого «косого» часа дня, отсчитываемого с восхода Солнца, передавалось всему дню. Например, «добрый» первый час дня «превращал» в «добрый» весь день. Соответствующим образом влияла «окрашенность» первого «косого» часа ночи, отсчитываемого с заката Солнца, на магическое качество всей ночи⁸⁴.

Аналогично древнегреческому правилу определялся «управитель» отдельно дня и ночи в рассмотренном выше славяно-русском произведении «По сему часы разумети дневные и ночные», чему служили особые таблицы. Поэтому на композиции рассматриваемой миниатюры могло сказаться влияние часовой хрономантии и без прямого упоминания часов, поскольку чередование в сутках дня и ночи обладало теми же качествами, что и «окраска» часов.

14. *Круговая диаграмма, «управляющая» магической «окраской» часов (и дней).* Диаграмма содержится в рукописной книге XVIII в. «Вечный

⁸³ Райан. Баня в полночь... С. 464–466.

⁸⁴ Bouche-Leclercq, A. L'astrologie grecque. Paris, 1899. P. 42; Симонов Р. А. Аллегория времени в древнерусской книжной культуре // Книга. Исследования и материалы. Сб. 88. М., 2008. Ч. 2. С. 157–174.

календарь»⁸⁵. Она опубликована и предварительно изучена⁸⁶. В тексте «Вечного календаря» встречаются градусные характеристики «Петрограда», что может свидетельствовать о вероятности славяно-русского влияния на рукопись после возникновения реального Санкт-Петербурга в начале XVIII в.

Круговая диаграмма по содержанию данных близка к прямоугольной таблице «О семи планитах», имеющейся в составе рассмотренного выше магического текста «По сему часу разумети дневные и ночные». Основное отличие состоит в том, что текст «О семи планитах» отражает славяно-русскую традицию в хрономантии, а диаграмма и окружающий ее текст являются рецепцией «Тетрабиблоса» Птолемея. Это выражается в воспроизведении внутри диаграммы и рядом с ней положений из пятой главы «О благотворных и вредоносных планетах» Первой книги «Тетрабиблоса».

Так, здесь дается птолемеевское подразделение светил на «добрые» и «злые» (по «Тетрабиблосу», без выделения «средних» светил): буквой Д обозначается «добро» Юпитера и Венеры, а буквой S («зело») выражается «зло» Сатурна и Марса. «Зло» в русской часовой хрономантии с XV в. обозначалось буквой З («земля»); иное обозначение «зла» в круговой диаграмме может свидетельствовать о другой традиции. Употребление буквы «зело» в значении «зла» относится к XVII в.⁸⁷

Былое влияние славяно-русского варианта часовой хрономантии стало, по-видимому, ослабевать к XVIII в. Круговая диаграмма может свидетельствовать о том, что запрет Стоглавого собора 1551 г. на славяно-русскую часовую хрономантию усиливался не только благодаря переходу на новый часовой счет в середине XVI в., но и из-за распространения альтернативной ей птолемеевской концепции магического времени.

Итог. Часовую хрономантию среди сокровенных славяно-русских памятников можно спутать с другими волшебнo-магическими текстами. Характерное отличие состоит в том, что «настоящей» хрономантии присуще упоминание

Фрагмент «О семи планитах» из табличного комплекса «По сему часу разумети дневные и ночные» по списку рубежа XV–XVI вв., РГБ

⁸⁵ Библиотека Хиландарского монастыря. Афон. X-527. Вечный календарь. Л. 102. С. 24.

⁸⁶ Янкович Н. Т. Астрономија у старим српским рукописима. Београд, 1989. С. 25. Диаграмма воспроизводится на вклейке в конце книги, фото № 79.

⁸⁷ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринт. М., 1989. Т. 1. Ч. 2. Стб. 891; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 371; Лудольф Г. В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переизд., перевод, вступ. статья и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937. С. 6.

нение слова «час» в сочетании с характеристиками «добрый», «средний», «злой». Если же нет «окрашивающих» часовое время слов, то следует обращать внимание на парность «день и час», поскольку, как отмечалось выше, в хрономантии «управитель» (светило-хронократор) первого часа дня является и «управителем» дня (но не суток в целом).

Хрономантические «дни и часы» следует отличать от «добрых» и «злых» дней (без часов): одинарные прогностически «окрашенные» дни могут определяться не по первому часу дня, а по другим, возможно, неразгаданным методам. Например, о безуспешности разобраться в них писал М. Н. Сперанский⁸⁸. О положительном опыте разгадки расчета «добрых» дней в приписке к «Травнику» 1534 г. см. в работе⁸⁹. Можно констатировать, что славяно-русские источники, имеющие прямое отношение к хрономантии («научно-методические» и справочные тексты № 1–4, одобрительные № 5–6, осудительные № 7–9), концентрируются в пределах XV – первой половины XVI веков.

После Стоглава 1551 г., запретившего прогнозирование по «дням и часам», еще примерно столетие сохранялась память о нем как о волшеббно-магической практике из области волхования (текст № 10). Нет данных, что в этот период сохранились былые хрономантические умения прогнозирования по часам. Данные № 11–14 в определенной степени характеризуют динамику восприятия общественным сознанием русского общества славяно-русской часовой хрономантии: вплоть до конца XVII–XVIII вв. она «котировалась» достаточно высоко, но уже как своего рода магическая абстракция, без явного применения соответствующей эзотерической практики (полностью или частично).

Привлечение данных № 11–14 обогащает ятронаучную стадию истории русской науки важными сведениями о сохранении общественной памятью информации о магическом часовом счете, даже спустя десятилетия после запрета славяно-русского варианта хрономантии и в условиях ее фактического «затухания». Это можно сравнить с последствием скрытой магии в живущем по сей день крылатом выражении «В добрый час», хотя некогда стоящая за ним реальная магия прорицания по часам была давно утрачена общественной памятью.

Решение сложного вопроса о причинах появления хрономантии в славяно-русской традиции, кажется, наиболее перспективно искать в комплексе (синтезе) всех выявленных данных, связанных с летописным «часомерием». Такой подход находится в соответствии с трактовкой истории книжной культуры, разрабатываемой чл.-корр. РАН В. И. Васильевым и его школой⁹⁰.

⁸⁸ Сперанский М. Н. «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. 1932. Кн. 2. С. 45–52.

⁸⁹ Морозов, Симонов. Датировка и атрибуция медико-астрологических расчетов... С. 5–21.

⁹⁰ Васильев В. И. История книжной культуры как научное направление // Книга. Исследования и материалы. Сб. 82. М., 2004. С. 5–24; Васильев В. И., Самарин А. Ю. Книжная культура в теоретическом, историческом и практическом аспектах // Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М., 2004. С. 9–14; Васильев В. И. Книга и книжная культура на переломных этапах истории России. Теория. История. Современность. М., 2005; Васильев В. И. Чтение и культура // Чтение как стратегия жизни. М., 2006. С. 39–43; сборник содержит много данных по истории книжной культуры, см. например: Самарин А. Ю. История русского читателя: достижения, проблемы, задачи // Там же. С. 148–150; Симонов Р. А. Чтение научных

Здесь опорным моментом можно рассматривать установление в 1404 г. в Московском Кремле по замыслу великого князя Василия Дмитриевича устройства для измерения времени часами – «часника». Нельзя исключать, что изначально «часник» предназначался для хрономантического «часомерия». Это объясняет синхронное «часнику» появление текстов, описывающих методику прогноза по «окрашенности» часов (как «добрых», «средних» и «злых»), сохранившихся в списках середины XV и рубежа XV–XVI вв.

Любопытно свидетельство М. Б. Левина об аналогичном материале (с датировкой – раннее Средневековье), который хранился «в одном из сербских монастырей». Несмотря на некоторую неопределенность сведений источника, сообщаемые в нем данные о светилах-хронократорах полностью совпадают с произведением «Часы на семь дней» (сер. XV в.) и почти буквально соответствуют тексту «По сему часы разумети...» (рубеж XV–XVI вв.). Поэтому и слова о сербском монастыре могут заслуживать внимания. Тем более, что они находят косвенное подтверждение в летописной записи о «часнике» 1404 г. Здесь говорится, что его установил в Москве монах-«сербин» Лазарь с Афона. Если «часник» предназначался для хрономантического прогнозирования, то Лазарь должен был располагать соответствующими методическими материалами, возможно, скопированными им в монастырской библиотеке (на Афоне или в Сербии). Об этом то оригинале и могла идти речь в источнике, рассматривавшимся М. Б. Левиным.

Есть искушение причислить «вспышку» интереса к часовой хрономантии в России XV – первой половины XVI вв. к некоему еретическому движению, причем неизвестному историографии. Однако необходимо иметь в виду, что зачастую в разряд ересей исследователи зачисляют проявления вольнодумства, а не настоящие ереси. Например, Д. С. Лихачев считал, что

так называемая ересь стригольников, а затем так называемая новгородско-московская..., не были ересями в полном смысле этого слова.

При этом он формулировал: «Ересь – это учение, нарушающее официальную церковную догматику». Характеризуя деятельность «жидовствующих», Д. С. Лихачев писал:

Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, но больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой. Это было, по всей вероятности, гуманистическое течение, с которым в большей или меньшей достоверностью связывается ряд западнорусских рукописей конца XV–XVI в. научного и полунаучного содержания⁹¹.

Характеристику Д. С. Лихачева можно соотнести с более ранними славяно-русскими «научно-методическими» произведениями по хрономантии, чем тексты «жидовствующих». И рассматривать их в качестве деятельности группировавшихся около великого князя Московского Василия Дмитриевича

произведений в Древней Руси // Там же. С. 157–159; Симонов Р. А. Часомерие в ряду сокровенных знаний // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М., 2008. С. 571–600.

⁹¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 127.

гуманистов-вольнодумцев, среди которых важную роль играл конструктор кремлевского «часника» 1404 г. «сербин» Лазарь.

После запрета в России хрономантии Стоглавым собором 1551 г. стал ограниченным доступ к точным методикам этой магии (их описания сохранились лишь в копиях XV и рубежа XV–XVI вв., более поздние списки неизвестны). Поэтому вопрос о влиянии русской хрономантии после запрета и перехода на счет постоянными часами в 60 мин представляет определенный интерес: сохранилась ли после этого память о русской хрономантии в общественном сознании в каком-либо виде или полностью исчезла? Источники свидетельствуют, что живая память о русской хрономантии, по-видимому, оставалась до конца XVII–XVIII вв., а в скрытой (подсознательной) форме, очевидно, сохраняется до сих пор в благопожелании «В добрый час».

Таким образом, начало русской ятронауки в XV – первой половине XVI вв., обусловленное интересом к прогностически «окрашенному» часовому времени, напрямую не связано с деятельностью врачей-иностранцев, а обусловлено своего рода магическим вольнодумством. Соответствующие идеи разделял или вынашивал великий князь Московский Василий Дмитриевич под влиянием афонского монаха «сербина» Лазаря, установившего в Кремле в 1404 г. магический «часник», вероятно, для прогнозирования событий, а не только для прозаического счета времени часами.